
АРТЁМ ШАХСУВАРЯН
ЭХО
КРЫЛЬЕВ
ТЕНЕЙ

Артем Шахсуварян

Эхо крыльев теней

«Автор»
2026

Шахсуварян А.

Эхо крыльев теней / А. Шахсуварян — «Автор», 2026

История о том, как обыкновенная девушка проходит путь от постоянных насмешек до становления хранительницей божественной силы. Ей предстоит пройти через множество испытаний, стать проводником для собственных чувств и доказать всем, что она достойна владеть той силой, что имеет внутри себя.

© Шахсуварян А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычный день сумасшедшей девочки 6
Глава 2. Дом с именами богов 9
Глава 3. Первые трещины 12
Глава 4. Пожар 15
Глава 5. Ночь, когда меня нашли 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Артем Шахсуварян
Эхо крыльев теней

УДК 82-3
ББК 84-445
Ш31
Шахсуварян Артём
Ш31 Эхо крыльев теней / Артём Шахсуварян. — [б. м.] : [б. и.], 2026. — 124 с. — [б. н.]

История о том, как обыкновенная девушка проходит путь от постоянных насмешек до становления хранительницей божественной силы. Ей предстоит пройти через множество испытаний, стать проводником для собственных чувств и доказать всем, что она достойна владеть той силой, что имеет внутри себя.

УДК 82-3
ББК 84-445
12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Глава 1. Обычный день сумасшедшей девочки

Звонок на алгебру прозвенел так, будто кто-то бил молотком по пустой консервной банке — дребезжащий, злой, слишком долгий для обычного школьного звонка. Мира Ветрова досчитала до семи, как всегда, — по числу муз, которых помнила бабушка, — и только потом подняла голову от тетради.

На последней странице, там, где должны были быть уравнения с двумя неизвестными, было нарисовано пламя. Маленькое, аккуратное, с острыми лепестками, будто вырезанное ножницами из фольги. Она сама не заметила, когда начала его рисовать — просто рука двигалась, пока голос учительницы плыл где-то сбоку, не задевая сознания.

— Ветрова, к доске.

Класс завозился — то самое особое оживление, которое бывает, когда кто-то предвкушает представление. Мира знала этот звук наизусть. Она встала, одёрнула рукав свитера, слишком длинный, с растянутыми манжетами — бабушкин, она донашивала его третий год, хотя он уже не грел так, как должен был.

У доски она застыла на секунду дольше, чем нужно. Мел был холодный и сухой, крошился под пальцами.

— Реши систему, — сказала Наталья Игоревна, не поднимая глаз от журнала.

Мира решила. Руки помнили, что делать, даже если голова в это время была далеко — где-то между строчками бабушкиной книги в потрёпанном коричневом переплёте, где на полях от руки было написано: *«Гестия хранит очаг, пока другие спорят за трон»*. Мира знала эту фразу наизусть, как другие знают тексты песен.

— Всё верно, — удивлённо произнесла учительница. — Садись.

Обратный путь к парте дался тяжелее, чем путь к доске. У окна, привалившись к подоконнику плечом, сидел Стас Коробов — тот самый, чей смех разносился по коридору так, что даже завуч морщилась. Когда Мира проходила мимо, он негромко, почти по-доброму, произнёс:

— Эй, жрица. Твои боги сегодня опять молчат?

Класс хихикнул — сдержанно, привычно, без особой злобы, просто по инерции, как смеются над старой шуткой, которая давно перестала быть смешной, но так и осталась ритуалом. Мира не остановилась. Она чувствовала, как щёки наливаются жаром — не от стыда, хотя стыд тоже был, а от чего-то другого, более глубокого, будто внутри груди, чуть ниже рёбер, что-то тлело и хотело разгореться.

Она села, сжала кулаки под партой так, что ногти впились в ладонь, и досчитала до десяти. Потом до двадцати. Жар отступил.

Не сегодня, — подумала она с той усталой обречённостью, с которой обычно думают: *не сегодня опять сорвусь*.

Дана догнала её на перемене у столовой — привычным, слегка вразвалку шагом, с рюкзаком, перекинутым через одно плечо.

— Не обращай внимания, — сказала она, протягивая половину шоколадки. — Коробов такой же скучный, как его отец. Весь юмор — сортирные шутки девяносто пятого уровня.

— Я не обращаю, — соврала Мира, беря шоколадку.

— Ага. Именно поэтому у тебя вены на шее видно.

Мира фыркнула — почти улыбнулась, но не совсем. Дана была единственной в классе, кто ни разу не назвал её сумасшедшей в лицо. За два года дружбы она так и не сказала прямо: *я верю тебе* — но и никогда не говорила обратного. Это было своего рода перемирие, зыбкое и по-своему честное.

— Знаешь, что странно? — сказала Дана, жуя шоколад. — Ты ведь не только про богов рассказываешь. Ты про них знаешь. Как будто... училась специально. Не как фанатка, а как будто готовишься к экзамену, который никто не примет.

Мира промолчала. Она действительно готовилась. К чему именно — она сама не могла сформулировать. Просто с того дня, как бабушка умерла, знание мифов стало не увлечением, а чем-то вроде якоря — единственной вещью, которая держала её на месте, пока весь остальной мир норовил соскользнуть, забыть, стереть память о старухе с сильным акцентом и жёсткими, тёплыми руками.

— Пойдём гулять сегодня, — сказала она вместо ответа. — Мне нужно проветриться. За реку, к старым дачам.

— Опять твои экспедиции, — вздохнула Дана, но не отказалась. — Ладно. Но если там опять окажется дохлая ворона, я тебя одну не потащу закапывать.

— Она была священной птицей, — начала Мира с прежним энтузиазмом.

— Она была вороной, Мира. Просто вороной.

Дома пахло жареным луком и чем-то тревожным — так пахнет, когда мать заранее готовится к разговору, который не хочет вести. Светлана стояла у плиты спиной к двери, и по тому, как напряжены были её плечи, Мира сразу поняла: сейчас будет разговор про «звонили из школы».

— Присядь, — сказала мать, не оборачиваясь.

Мира присела на краешек стула, привычно готовясь защищаться.

— Наталья Игоревна звонила. Говорит, ты опять что-то рисовала на уроке вместо того, чтобы решать примеры.

— Я решила примеры. Все.

— Дело не в примерах. — Светлана обернулась, вытерла руки о полотенце резким, нервным движением. — Дело в том, что ты... витаешь. Постоянно. Мира, тебе шестнадцать. Через полтора года экзамены. А ты рисуешь огонь и читаешь про то, как какие-то греки спорили друг с другом три тысячи лет назад.

— Это не просто истории.

— Знаю, знаю. — Голос матери сорвался в ту особую, вымученную мягкость, с которой говорят с больным ребёнком. — Твоя бабушка тоже так говорила. Только она была старой женщиной из другой страны, и ей это простительно. А тебе нужно жить здесь и сейчас.

Из соседней комнаты донёсся голос Виктора — приглушённый телевизором, но достаточно громкий, чтобы расслышать:

— Света, скажи ей уже, что бабки давно нет и мифы её не покормят.

Мира встала так резко, что стул скрипнул по линолеуму.

— Можно я пойду гулять?

— Мира...

— Я вернусь до темноты.

Она вышла, не дожидаясь ответа, и хлопнула дверью чуть сильнее, чем следовало бы. На кухне за спиной что-то звякнуло — то ли ложка упала, то ли чашка. Она не обернулась проверить.

Дана ждала её у автобусной остановки, притопывая от вечерней прохлады.

— Ты какая-то зелёная, — заметила она, разглядывая лицо подруги. — Дома опять?

— Как обычно.

Они пошли вдоль реки, туда, где асфальт кончался и начиналась разбитая грунтовка, заросшая подорожником и жёсткой полынью. Солнце садилось медленно, тягуче, окрашивая небо в тот особенный густо-оранжевый цвет, который бывает только в конце августа, когда лето уже понимает, что скоро умрёт, но ещё не готово сдаться.

— Расскажи что-нибудь, — попросила Дана, толкнув её плечом. — Твоё, мифологическое. Про огонь, раз уж ты его весь урок рисовала.

Мира на секунду замялась — потом сдалась, как всегда сдавалась перед этой просьбой.

— Гестия — старшая сестра Зевса. Богиня очага. — Голос сам собой стал ниже, серьёзнее, будто она произносила не байку, а что-то важное. — Она отказалась выходить замуж, хотя за неё сватались и Посейдон, и Аполлон. Попросила Зевса позволить ей остаться девственницей навсегда и хранить огонь в каждом доме, в каждом храме. И знаешь что странно? О ней почти нет мифов. Ни одной истории про неё саму — только упоминания, что где-то горит её огонь. Она единственная из олимпийцев, кто никогда не участвовал ни в одной войне богов.

— Скучная, получается, — хмыкнула Дана.

— Нет. — Мира покачала головой, и в её голосе прорезалась та упрямая горячность, которую Дана слышала уже сотню раз и всё равно каждый раз удивлялась. — Она не скучная. Она — тишина среди грохота. Пока все остальные боги дрались за власть, ревновали, мстили, превращали людей в пауков и оленей просто от скуки, — она сидела у очага и грела дом. Без неё дом — просто стены. А с ней — дом становится домом.

Дана посмотрела на неё внимательно, чуть склонив голову.

— Ты сейчас не про мифологию говоришь, да?

Мира не ответила. Впереди, за поворотом тропинки, между старыми соснами, начали проступать очертания заброшенных дач — тёмные, покосившиеся, с проваленными крышами. Она знала это место с детства: сюда бабушка водила её собирать шиповник, здесь же однажды рассказала, что «в старых домах остаётся память, если её никто не стирает».

— Смотри, — сказала Дана, останавливаясь. — Вон тот дом. Раньше тут забора не было.

Мира подняла глаза — и что-то внутри груди, там же, где сегодня на уроке тлел неясный жар, дрогнуло, как струна, которую тронули пальцем.

Дом стоял чуть в стороне от остальных, будто нарочно отгороженный от них не только покосившимся, вросшим в землю забором, но и самим воздухом вокруг — плотным, неподвижным, странно тёплым для конца августовского вечера. Стёкла в окнах были целы — единственный дом на всей улице, где стёкла не были выбиты за годы. И на бревенчатых стенах, у самой двери, что-то было написано — то ли краской, то ли выжжено, — буквы, которые Мира узнала мгновенно, потому что видела их сотни раз в бабушкиной книге.

Греческие.

— Пойдём посмотрим, — прошептала она, и голос предательски дрогнул от волнения, которое она давно не позволяла себе испытывать так открыто.

Дана взглянула на часы, потом на темнеющее небо, потом снова на подругу — и вздохнула, как вздыхает человек, который уже знает, что проиграл спор, даже не начав его.

— У нас двадцать минут до темноты. Потом — домой, без разговоров.

Мира кивнула, уже не слушая. Она шла к дому, и с каждым шагом жар в груди разгорался сильнее — будто что-то внутри стен узнавало её и звало по имени, которого она сама ещё не знала.

Глава 2. Дом с именами богов

Забор поддался легко — жерди, вросшие в землю мхом и временем, разошлись сами, будто нехотя, будто дом устал держать оборону. Мира протиснулась в щель первой, зацепившись рукавом за ржавый гвоздь; Дана пролезла следом, чертыхаясь и стряхивая с волос труху.

Вблизи дом оказался больше, чем казался издалека — приземистый, но широкий, с резным крыльцом, потемневшим от времени до черноты мокрого угля. Воздух здесь пах не так, как в остальном лесу: не сыростью и прелой хвоей, а чем-то более древним — пеплом, воском, сухими травами, будто где-то рядом до сих пор куда-то тлел очаг, хотя дыма не было видно.

— Жутковато, — пробормотала Дана, обхватив себя руками. — И тихо. Слышишь? Даже птиц не слышно.

Мира услышала это только сейчас — действительно, тишина стояла плотная, осязаемая, будто лес вокруг дома специально замолчал, отступил на цыпочках. Она подошла к стене и провела пальцами по буквам, вырезанным глубоко, уверенно, явно не детской рукой и не случайным туристом с ножом.

ΕΣΤΙΑ ΦΥΛΑΣΣΕΙ — прочитала она вслух, и звук собственного голоса показался ей неестественно громким в этой тишине. — «Гестия хранит».

— Ты серьёзно можешь это прочесть? — Дана подошла ближе, разглядывая надпись с недоверчивым прищуром.

— Бабушка учила меня буквам. Не язык целиком, только буквы и отдельные слова. — Мира провела рукой дальше, по следующей строке, менее чёткой, будто выцарапанной второпях. — Вот это... не могу разобрать. Слишком старое.

Она обошла дом по кругу, и с каждым шагом надписей становилось больше — они покрывали брёвна густо, слоями, будто разные руки в разное время добавляли что-то своё: имена, обрывки фраз, символы, похожие на молнии, трезубцы, венки из листьев. На одной из досок, у самого угла, был вырезан огонь — тот же самый острый, лепестковый огонь, который Мира сегодня утром машинально нарисовала в тетради.

Руки похолодели, хотя воздух вокруг оставался тёплым.

— Дана, — позвала она тихо. — Иди сюда.

Дана подошла и замерла рядом, глядя на резьбу.

— Это... совпадение, — сказала она не очень уверенно. — Ты просто много рисуешь огонь, вот и...

— Я никогда раньше не рисовала именно так. С такими лепестками. — Мира провела пальцем по краю резьбы, не касаясь дерева впрямую, будто боялась обжечься. — Именно так, как здесь.

Дверь дома оказалась не заперта — просто прикрыта, будто хозяин вышел на минуту и забыл вернуться. Петли не скрипнули, когда Мира толкнула её внутрь, хотя по всем законам старого дерева должны были издать протяжный, зловещий стон. Внутри было темнее, чем снаружи, но не настолько, чтобы совсем ничего не различить: свет из окон падал косыми полосами на дощатый пол, покрытый толстым слоем пыли, в которой не было ни единого следа — ни человеческого, ни звериного.

Посреди единственной комнаты стоял очаг — настоящий, каменный, сложенный грубо, но добротно, с почерневшим от старой копоти зевом. Над ним, на закопчённой полке, лежали какие-то предметы: глиняные черепки, обугленный лавровый венок, рассыпающийся от прикосновения воздуха, и — в самом центре, будто специально выставленный на обозрение, — небольшой предмет, завёрнутый в истлевшую холстину.

Мира шагнула к очагу как во сне — тело двигалось само, минуя разум, минуя даже страх, который где-то на периферии сознания кричал, что нужно остановиться, позвать Дану, уйти.

Она размотала ткань — та расползлась под пальцами, как пепел, — и в ладонях у неё оказался небольшой бронзовый лабрис, двусторонний топорик размером чуть больше ладони, потемневший от времени, но с острыми, будто вчера отточенными краями.

Металл был тёплым. Не комнатной температуры — тёплым, как живая кожа, как что-то, что дышит.

— Мира, — голос Даны звучал напряжённо откуда-то из-за спины. — Мира, положи это на место. Мне не нравится, как здесь пахнет.

Но Мира уже не могла отпустить. Тепло от лабриса поднималось по рукам, растекалось по плечам, добиралось до груди — туда, где весь день тлел непонятный жар, — и в момент, когда тепло встретилось с теплом, комната вспыхнула светом.

Не пламенем — светом, мягким, оранжево-золотым, будто кто-то невидимый зажёг сотню свечей одновременно. Черепки на полке зазвенели, будто от лёгкого землетрясения. Пыль на полу взметнулась и тут же осела обратно, будто дом выдохнул и снова затих.

Дана вскрикнула и отшатнулась к двери.

— Что ты сделала?!

— Я... — Мира сама не знала, что ответить. Свет так же быстро погас, как появился, оставив после себя только смутное послесвечение перед глазами да гулкий стук собственного сердца в ушах. Лабрис в её руках снова стал просто холодным старым металлом — будто ничего и не происходило.

— Мы уходим. — Голос Даны дрожал, но в нём была та жёсткость, с которой говорят, когда решение уже принято и не обсуждается. — Прямо сейчас.

Мира не спорила. Она сунула лабрис в карман куртки — движение было машинальным, почти воровским, но остановиться она не могла, будто топорик сам просился внутрь, — и пошла за подругой к двери.

На пороге она обернулась. В глубине дома, там, где очаг всё ещё хранил старую копоть, ей на секунду показалось, что в темноте что-то шевельнулось — не тень от дерева, не игра света, а нечто с формой, почти человеческой, почти узнаваемой. Женская фигура, высокая, в длинном одеянии, с волосами, собранными в узел, и лицом, которое Мира не успела разглядеть, потому что моргнула — и фигура исчезла, будто её и не было.

— Идём же! — Дана уже была за забором, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Мира выбежала следом, зацепившись подолом куртки за тот же ржавый гвоздь, разорвав ткань — но не остановилась, чтобы это заметить. Только за забором, отдышавшись, она обернулась ещё раз.

Дом стоял неподвижно, тихо, обычно — просто старая заброшенная дача среди других таких же дач. Но теперь, глядя на него со стороны, Мира могла поклясться, что окна, ещё недавно тёмные, слабо светились изнутри — тёплым, ровным, как из очага, светом.

— Пошли, — сказала Дана, беря её за руку и таща прочь. — Пока темно совсем не стало.

Они шли молча почти всю дорогу назад, к освещённым улицам, к нормальному, обыденному миру автобусных остановок и рекламных щитов. Только у самого поворота к дому Даны та наконец спросила, глядя прямо перед собой, не поворачивая головы:

— Ты видела кого-то там, да? В доме. По твоему лицу было видно.

Мира не сразу ответила. Она сжимала в кармане лабрис, чувствуя, как металл снова начинает теплеть, будто отзываясь на её пульс.

— Не знаю, — сказала она честно. — Может, показалось.

— Мира. — Дана остановилась, повернулась к ней лицом, и в её глазах — обычно насмешливых, ироничных — сейчас было что-то другое, более серьёзное, почти испуганное. — Я видела, как комната засветилась. Это не показалось ни тебе, ни мне. Так что... что бы это ни было — пожалуйста, будь осторожна. Хорошо?

— Обещаю, — сказала Мира, хотя даже произнося это слово, чувствовала: обещание было ложью ещё до того, как слетело с губ. Потому что в кармане куртки грелся кусок бронзы, который знал её имя лучше, чем она сама, и что-то внутри неё — то самое, тлеющее с самого утра, — уже понимало, что назад дороги не будет.

Глава 3. Первые трещины

Ночью ей снилась вода — тёмная, неподвижная, с запахом соли, которого не могло быть так далеко от моря. Во сне она стояла на берегу, которого никогда не видела наяву, и женский голос, тёплый и низкий, шептал что-то на языке, который она не понимала, но каждое слово отзывалось в груди узнаванием, будто она слышала эту колыбельную раньше, в какой-то другой, забытой жизни.

Мира проснулась резко, будто её вытолкнули из сна чужой рукой. Комната была залита утренним светом, но что-то в этом свете было не так — слишком тёплым, слишком золотистым для обычного сентябрьского утра. Она села в постели и обнаружила, что сжимает в кулаке лабрис — хотя точно помнила, что клала его на тумбочку перед сном.

Ладонь, в которой он лежал, была тёплой. Не от металла — сама кожа.

Она разжала пальцы и уставилась на них так, будто видела впервые. Ничего необычного — обычная ладонь шестнадцатилетней девочки, с обкусанной кутикулой и мозолью от вечного сжимания ручки на контрольных. Но тепло не уходило, разливалось по венам, будто где-то в теле теперь горел маленький, тщательно скрытый очаг.

За завтраком мать поставила перед ней тарелку с омлетом и, не глядя, спросила:

— Выспалась?

— Да, — соврала Мира.

Она поднесла вилку ко рту — и в этот момент чайник на плите, до этого мирно набирающий кипяток, вдруг вспыхнул паром так резко, что крышка подпрыгнула и с грохотом покатилась по столешнице. Светлана вскрикнула, отдёрнула руку.

— Он же на минимальном огне стоял! — Она выключила конфорку, разглядывая покрасневшие от пара пальцы. — Что за чёрт...

Мира сидела неподвижно, глядя на собственные руки. Внутри, там, где раньше был просто тлеющий уголёк, сейчас будто провернули невидимый рычаг — и жар прошёл по телу коротким, резким импульсом, синхронно со вскриком чайника.

Совпадение, — сказала она себе. — *Просто совпадение.*

Но в глубине уже понимала: нет.

В школе было хуже.

На уроке химии, когда Наталья Игоревна — теперь уже по химии, вопреки логике совпадений, будто судьба нарочно свела с ней ту же учительницу — зажгла спиртовку для демонстрации, пламя вдруг подскочило вдвое выше обычного, коснувшись потолочной вытяжки. Класс ахнул, кто-то взвизгнул, учительница среагировала мгновенно, профессионально — потушила, отступила, начала что-то говорить про неисправность оборудования.

Мира сидела на второй парте, и в тот момент, когда пламя взметнулось, почувствовала это заранее — за долю секунды до вспышки, будто её собственное тело послало сигнал раньше, чем разум успел его осознать. Ладони вспотели. Она спрятала их под парту.

— Ветрова, тебе плохо? — Учительница взглянула на неё с подозрением, будто уже что-то заподозрила, хотя заподозрить было решительно нечего — обычная девочка, побледневшая от вида огня.

— Нет, всё нормально, — ответила Мира, чувствуя, как голос предательски дрожит.

На перемене Дана поймала её за рукав в коридоре, отвела в угол у окна, подальше от толпы.

— Это была ты? — спросила она напрямую, без предисловий. — Про спиртовку.

— Не знаю. — Мира прислонилась спиной к холодной стене, будто искала опору. — Дана, я не знаю, что со мной происходит. Со вчерашнего дня. С того дома.

— Может, тебе к врачу надо? — Голос Даны звучал не насмешливо, а искренне встревожено, и от этого стало ещё страшнее — потому что если даже Дана, которая никогда не отмахивалась, начинает предлагать врача, значит дело действительно плохо.

— К какому врачу? Который скажет, что у меня руки горячие от переутомления? — Мира горько усмехнулась. — Я же помню, что видела в том доме. Свет. Фигуру. Это было не переутомление.

— Ладно. — Дана вздохнула, потёрла переносицу. — Я тебе верю. Просто... будь осторожна с этой штукой. С лабрисом. Может, стоит его выбросить?

Мира машинально коснулась кармана куртки, где лежал бронзовый топорик — она носила его с собой с той самой ночи, не в силах оставить дома, будто он сам требовал быть рядом.

— Я не могу, — сказала она тихо. — Как будто он часть меня теперь.

Дана посмотрела на неё долгим взглядом — таким, каким смотрят, когда понимают, что друга уносит течением, а удержать нечем.

Дома вечером случилось то, чего Мира боялась весь день, хотя и не признавалась себе в этом прямо.

Она сидела в своей комнате, разложив на кровати бабушкину книгу мифов, ту самую, потрёпанную, с пометками на полях, и пыталась найти хоть что-то про лабрис, про Гестию, про дом с надписями — хоть что-то, что дало бы объяснение происходящему. Строчки плыли перед глазами; она так устала, что веки слипались сами собой.

Она не заметила, как задремала, уронив голову на страницы книги.

Разбудил её не звук, а запах — резкий, тревожный запах гари. Мира вскочила, не сразу поняв, что происходит, и обнаружила, что край книги, страница с описанием храма Гестии в Дельфах, тлеет — не горит открытым пламенем, а именно тлеет, чернея по краю, будто кто-то невидимый прижал к бумаге раскалённый уголь.

— Нет! — Она схватила стакан воды с тумбочки, плеснула на страницу, потушив тление, но уже было поздно — угол страницы почернел безвозвратно, часть текста стёрлась в пепел.

Она стояла, держа в руках испорченную бабушкину книгу, и чувствовала, как к горлу подступают слёзы — не от боли, а от предательского, липкого страха: страха, что она сама, своими руками, только что уничтожила единственную вещь, которая связывала её с бабушкой напрямую.

Она стояла посреди комнаты, сжимая обугленную книгу, и вдруг с необъяснимой ясностью вспомнила один давний вечер — ей было лет двенадцать, бабушка была ещё жива, и они втроём с матерью сидели на кухне. Бабушка рассказывала про Прометея, про то, как он выкрал огонь у богов ради людей и был за это прикован к скале, где орёл каждый день клевал его печень. Мира тогда расплакалась — не от страха, а от несправедливости, — а мать, устав от очередной «сказки на ночь», резко сказала: «Хватит забивать ей голову, мама. Она в школе про это не расскажет — все на смех поднимут». Бабушка тогда посмотрела на дочь долгим, тяжёлым взглядом и ответила тихо, почти шёпотом: «Лучше пусть смеются над правдой, чем плачут от лжи». Светлана тогда промолчала, поджав губы, а Мира запомнила этот разговор на годы вперёд — не потому, что поняла его сразу, а потому что почувствовала: между матерью и бабушкой пролегла трещина, которая никогда полностью не срасталась.

Сейчас, глядя на почерневшие страницы, Мира впервые подумала: может быть, эта трещина была не про мифы вовсе. Может быть, мать много лет назад тоже во что-то верила — а потом разучилась, и теперь боялась, что дочь повторит её путь в обратном направлении: научится верить и не сможет остановиться.

На шум прибежала мать.

— Что случилось? Что горит?

— Ничего, — быстро ответила Мира, пряча книгу за спину. — Просто... свеча упала.

— У тебя нет свечи. — Светлана вошла в комнату, потянула носом воздух, нахмурилась. — Мира, что это за запах?

— Ничего, мам, правда...

Но Светлана уже увидела книгу, зажатую за спиной дочери, увидела почерневший край страницы, и её лицо изменилось — сначала недоумение, потом что-то вроде испуга, которого Мира никогда раньше на нём не видела.

— Дай сюда.

— Мам, пожалуйста...

— Дай сюда книгу.

Мира отдала. Мать пролистала обугленные страницы, потом посмотрела на дочь долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты специально это сделала? Чтобы... что, привлечь внимание? — В голосе матери звучало не только раздражение, но и что-то более глубокое — усталость, накопленная годами, страх, который родители тщательно прячут от детей, пока он не выплёскивается наружу в самый неподходящий момент.

— Нет! Я не знаю, как это случилось!

— Мира, тебе шестнадцать лет. Хватит. — Голос Светланы дрожал. — Сначала мифы, потом эти твои... припадки в школе, теперь книги сами загораются? Что дальше?

— Я не вру!

— Я не говорю, что ты врёшь! Я говорю, что... — Мать замолчала, потёрла лицо руками, будто пытаясь стереть с него усталость. — Я не знаю, что с тобой происходит, и это меня пугает.

Она вышла, забрав книгу с собой — «на всякий случай, подальше от тебя», как она сказала, — и Мира осталась одна в комнате, где всё ещё пахло гарью, а на подушке лежал бронзовый лабрис, тёплый, живой, ждущий.

Она взяла его в руки и прошептала, обращаясь непонятно к кому — то ли к самому артефакту, то ли к пустоте комнаты, то ли к бабушке, которой уже не было на свете:

— Что ты со мной делаешь?

Ответа не последовало. Только тепло металла усилилось на мгновение, будто в ответ на вопрос, а потом снова стихло — оставив Миру наедине с растущим, необъяснимым страхом перед собственным телом.

Глава 4. Пожар

Три дня спустя всё сорвалось окончательно.

Это была пятница, и в доме Ветровых готовились к дню рождения Виктора — не громкому, но с гостями: его сестра с мужем, пара коллег с завода, соседка тётя Валя, приносившая обычно свой фирменный «Наполеон». Светлана с самого утра носилась по кухне, гремела кастрюлями, а Мира сидела в своей комнате, слушая, как внизу разгорается предпраздничная суета, и чувствовала себя чужой в собственном доме — гостьей, которую терпят из вежливости.

Три дня она пыталась контролировать это — тепло, вспышки, странные импульсы, идущие изнутри без спроса. Получалось через раз. Ночью снились сны про огонь и воду, про женский голос, зовущий её по имени, которого у неё не было. Днём она держалась, сжимая кулаки, считая до десяти, до двадцати, до пятидесяти — как учила когда-то бабушка справляться со злостью, только теперь это была не злость, а что-то куда более опасное.

— Мира, спустись, помоги накрыть на стол! — донёсся снизу голос матери.

Она спустилась. Гости уже начали собираться — тётя Валя со своим тортом, сестра Виктора с шумным мужем, коллеги с завода, приносившие водку и неловкие шутки. Мира двигалась среди них как автомат, расставляя тарелки, разливая морс, стараясь ни с кем не встречаться взглядом дольше пары секунд.

— А это, значит, дочка? — спросила сестра Виктора, разглядывая её с той специфической, слегка снисходительной улыбкой, с которой взрослые смотрят на подростков, о которых наслышаны нечто странное. — Наслышана про тебя. Говорят, ты у нас прямо специалист по грекам?

— Что-то вроде того, — сдержанно ответила Мира.

— А ты правда веришь, что они существуют? Боги эти?

Вопрос был задан с той же снисходительной улыбкой, и весь стол чуть притих в ожидании — не потому что кому-то было действительно интересно, а потому что назревало развлечение, привычное для взрослых компаний развлечение — посмеяться над странным ребёнком.

— Верю, — сказала Мира тихо, но твёрдо.

— Ну надо же. — Женщина переглянулась с мужем, усмехнулась. — А молнии кто, значит, кидает? Зевс?

Смешки за столом. Виктор, уже слегка захмелевший, махнул рукой:

— Да брось ты, Люда, она с бабкой своей начиталась. Пройдёт с возрастом.

— Не пройдёт, — сказала Мира тише, чем хотела, но в наступившей паузе прозвучало отчётливо.

— Мира, — предупреждающе произнесла мать.

— Это не сказки, — продолжила она, чувствуя, как внутри снова разгорается тот самый жар, только теперь не от страха, а от обиды, копившейся годами, от бесконечных смешков, от снисходительных взглядов, от ощущения, что её никогда, ни разу, никто здесь не воспринимал всерьёз. — Бабушка не выдумывала. Она знала. Она... она чувствовала это.

— Твоя бабушка, царствие ей небесное, была со странностями, — вставила Люда уже без улыбки, с ноткой раздражения. — Не обижайся, но это правда.

Что-то внутри груди Миры лопнуло, как перетянутая струна.

— Она не была со странностями! Она знала правду, которую вы все слишком тупые, чтобы увидеть!

— Мира! — Голос матери прозвучал резко, как удар хлыста. — Извинись немедленно!

Но извиняться было уже поздно — не перед словами, а перед тем, что происходило внутри неё. Жар поднимался стремительно, неконтролируемо, будто плотину прорвало; она

чувствовала, как кровь стучит в висках, как ладони начинают гореть — не образно, а буквально, кожа горела, будто она держала в руках раскалённые угли.

— Мира, твои руки... — прошептала Дана, которую пригласили в качестве компании для именинницыной племянницы; она сидела рядом и первой заметила, как побагровели пальцы подруги, как от них начал подниматься едва заметный дымок.

Мира опустила взгляд на собственные руки — и в ужасе увидела то, что видела Дана: кожа не горела в буквальном смысле, но от ладоней действительно поднимался жар, искажающий воздух, как над раскалённым асфальтом в летний полдень.

— Мне нужно... — пробормотала она, вставая так резко, что стул с грохотом опрокинулся. — Простите, мне нужно выйти.

Но было поздно.

Скатерть на столе — та самая, парадная, с вышивкой, которую Светлана хранила для особых случаев, — вспыхнула. Не постепенно, не с тлением, а сразу, целиком, огромным всплеском пламени, будто под ней разлили бензин. Гости закричали, отшатнулись; Виктор схватил графин с водой, плеснул, но пламя лишь на секунду присело и тут же взметнулось снова, перекинувшись на скатерть с новой силой.

— Пожар! Воду! — кричал кто-то.

Мира стояла посреди этого хаоса, парализованная ужасом, глядя на собственные руки, из которых — теперь она видела это отчётливо, без всяких сомнений — тонкими нитями поднимался жар, будто соединявший её с бушующим на столе огнём невидимой нитью.

Дана схватила её за плечи, отдёрнула от стола.

— Мира! Мира, соберись, надо остановить!

— Я не знаю как! — почти закричала она, чувствуя, как паника душит горло. — Я не знаю, как это остановить!

Огонь распространялся стремительно — перекинулся на занавески, лизнул угол обоев. Виктор, уже белый как полотно, тащил из кухни ведро с водой; гости в панике толкались у выхода, кто-то опрокинул стул, кто-то звонил в пожарную. Светлана стояла посреди этого кошмара, глядя то на горящую комнату, то на дочь, и в её глазах, обычно тёплых, сейчас плескался неприкрытый, животный ужас.

— Это ты, — прошептала она, и голос был таким тихим, что Мира скорее прочитала слова по губам, чем услышала. — Это сделала ты.

— Мама, я не хотела...

— Уйди отсюда! — вдруг закричала Светлана, оттолкнув дочь к двери. — Уйди из дома! Немедленно!

Пламя наконец начали сбивать — Виктор с соседом заливали его водой из вёдер, кто-то накинул на очаг огня плотное одеяло, кто-то распахнул окна, впуская холодный вечерний воздух. Пожар удалось потушить прежде, чем он охватил весь дом, но комната была разрушена: обугленная скатерть, почерневшие обои, перевёрнутая мебель, запах гари, въевшийся, казалось, в самые стены.

Мира стояла у порога, дрожа всем телом, чувствуя, как жар в руках медленно, мучительно отступает, оставляя после себя ледяную пустоту.

— Мам... — попыталась она снова.

— Уходи. — Голос Светланы был теперь холодным, чужим, будто говорила не мать, а незнакомая женщина. — Я не знаю, что с тобой случилось, но пока ты не объяснишь, что происходит, я не пущу тебя в дом. Ты понимаешь, что могло случиться? Ты могла всех нас убить!

— Света, ну хватит, она же ребёнок... — начал было Виктор, но осёкся под её взглядом.

— Собирай вещи, — сказала мать, уже отворачиваясь, будто не могла больше смотреть на дочь. — Иди к Дане ночевать. Мне нужно время подумать.

Дана крепко сжала руку Миры — та единственная опора, которая осталась в этом рушащемся мире.

— Пойдём, — тихо сказала она. — Пойдём ко мне.

Мира на негнущихся ногах поднялась в свою комнату, дрожащими руками собрала кое-что из одежды в рюкзак — почти не глядя, машинально. Лабрис лежал на тумбочке, тёплый, будто ничего не произошло, будто это не он был причиной всего этого хаоса. Она секунду смотрела на него, потом всё же взяла и сунула в рюкзак — не потому что доверяла ему, а потому что не могла заставить себя оставить.

У выхода, застёгивая куртку, она обернулась. Мать стояла в дверях кухни, обхватив себя руками, и не смотрела на дочь — смотрела мимо, в почерневшую комнату, где ещё недавно был праздник, а теперь остался только запах гари и разбитое доверие.

— Мам, — сказала Мира тихо. — Прости.

Ответа не последовало. Только звук захлопывающейся двери за спиной — резкий, окончательный, как точка в конце предложения, которое уже нельзя было переписать.

Она вышла в холодную сентябрьскую ночь, и впервые за долгое время почувствовала себя по-настоящему одинокой — даже с Даной, идущей рядом, даже с теплом лабриса в рюкзаке. Где-то там, наверху, среди облаков, которые сейчас казались чернее обычного, скрывалась гора, о которой она читала всю жизнь, не веря по-настоящему, что когда-нибудь окажется к ней настолько близко.

Она не знала ещё, что этой же ночью, впервые за несколько веков, кто-то на другой стороне мира почувствовал отголосок её огня — и отправился на поиски.

Глава 5. Ночь, когда меня нашли

Комната Даны пахла ванильным парфюмом и стиральным порошком — обычные, домашние запахи, которые сегодня казались Мире почти невыносимо чужими, будто она смотрела на нормальную жизнь через толстое стекло.

— Ляг, поспи, — сказала Дана, застилая раскладушку у себя под окном. — Утро вечера мудренее.

— Как я могу спать? — Мира сидела на краю кровати, обхватив колени руками, всё ещё дрожащая, хотя дрожь теперь была не от холода. — Я сожгла мамину скатерть. Я чуть не сожгла весь дом. Меня выгнали из собственного дома, Дана.

— Она не выгнала тебя навсегда. Она в шоке. Люди в шоке говорят разное. — Дана присела рядом, обняла подругу за плечи неловко, но искренне. — Завтра остынет, поговорите.

— А если не остынет? — Голос Миры сорвался. — А если я снова это сделаю? Что если в следующий раз рядом с огнём окажется кто-то, а не скатерть?

Дана не нашлась, что ответить, и это молчание было красноречивее любых слов утешения.

Мира легла, но сон не шёл — она лежала, глядя в потолок, прислушиваясь к тихому дыханию уснувшей подруги, и чувствовала, как лабрис в рюкзаке рядом с кроватью излучает тепло, будто дышит вместе с ней. К полуночи она не выдержала — тихо поднялась, стараясь не разбудить Дану, взяла куртку и вышла на балкон.

Ночной воздух был холодным и колючим, пах близкой осенью — прелой листвой и первыми заморозками. Небо было неожиданно ясным, усыпанным звёздами, каких Мира давно не видела над городом — обычно свет фонарей забивал их, но сегодня, будто нарочно, они горели ярче, ближе.

Она достала лабрис из кармана, повертела его в руках, разглядывая при лунном свете гравировку — тонкие линии, изображающие языки пламени, обрамляющие двойное лезвие.

— Кто ты? — прошептала она артефакту, хотя знала, что ответа не будет. — Что ты со мной сделал?

Ответа действительно не последовало — но с улицы, снизу, донёсся звук. Тихий, почти неслышный, но отчётливо неестественный для спящего двора: шорох, будто кто-то или что-то передвигалось между машинами, стараясь остаться незамеченным.

Мира перегнулась через перила балкона, вглядываясь в темноту. Внизу, у детской площадки, освещённой одиноким фонарём, стояла фигура — высокая, худощавая, в потрёпанной кожаной куртке, с копной тёмных, спутанных волос. Фигура смотрела прямо на неё, задрав голову, будто знала точно, за каким окном её искать.

Сердце Миры замерло.

— Эй! — крикнула фигура снизу, негромко, но так, чтобы было слышно. — Ты та, у кого лабрис Гестии?

Мира отпрянула от перил, прижимая топорик к груди, будто он мог защитить.

— Кто ты такой?

— Друг, — донеслось снизу с явной иронией в голосе. — Ну, или тот, кто пытается им стать, прежде чем тебя найдёт кто-то менее дружелюбный. Спускайся, поговорим. Я не кусаюсь. Обычно.

— Откуда ты знаешь про лабрис?

— Долгая история. Короткая версия: твой маленький пожар на дне рождения отчима был слышен... скажем так, дальше, чем ты думаешь. — Фигура шагнула чуть ближе к свету фонаря, и Мира наконец разглядела лицо: молодой парень, лет девятнадцати на вид, с острыми скулами, тёмными глазами, в которых плясали лукавые искры, и — она моргнула, не веря соб-

ственным глазам, — с чем-то, напоминающим лёгкий рыжеватый пушок на висках, спускающийся к маленьким, едва заметным рожкам, спрятанным в спутанных волосах.

— Ты... — начала она, и голос предательски дрогнул.

— Никос, — представился он с полупоклоном, полным намеренной театральности. — Наполовину сатир, полностью проводник, и, к сожалению для нас обоих, единственный, кто согласился прийти сюда сегодня ночью, чтобы предупредить тебя, прежде чем это сделает кто-то менее приятный.

Мира вцепилась в перила, чувствуя, как голова кружится от слишком быстро обрушившейся на неё реальности — реальности, в которой мифические существа стояли под окнами обычных панельных домов, называя её по имени, которого она не произносила.

— Предупредить о чём?

Никос вздохнул, засунул руки в карманы куртки, и весь его насмешливый вид на секунду померк, обнажив что-то более серьёзное под маской иронии.

— О том, что ты нашла первый осколок Сердца Гестии. И о том, что теперь за тобой охотятся люди, которые сделают всё, чтобы забрать его — вместе с твоей жизнью, если понадобится. Спускайся. Времени мало, а разговор долгий.

Она спустилась — сама не понимая до конца, почему доверилась незнакомцу с рожками посреди ночи, но что-то в его голосе, в самой невероятности его существования убеждало сильнее любых аргументов: если мир до сих пор скрывал такие тайны, значит, всё, во что она верила, было не глупостью. Значит, бабушка не ошибалась.

Они сели на скамейку у детской площадки, подальше от фонаря, в тень раскидистого клёна.

— Итак, — начал Никос, разглядывая её с нескрываемым любопытством, — ты не из известных линий. Не потомок героев, не полубог. Обычная смертная девочка из... — он повёл рукой в сторону панельных домов, — откуда бы ты ни была. И всё же лабрис Гестии выбрал именно тебя. Знаешь, это довольно необычно.

— Я не выбирала. Я просто нашла его в старом доме.

— Артефакты такого уровня не позволяют себя просто найти. — Никос покачал головой, и в его голосе прозвучало что-то похожее на уважение, смешанное с настороженностью. — Они выбирают. И раз он выбрал тебя, а не кого-то с божественной кровью в венах, значит, дело не в крови. Значит, дело в чём-то другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.